

СИРОПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ НЕМЧИНОВА

Яков Андреевич Немчинов (ок. 1800–1894 гг.) родился в семье тарского мещанина Андрея Семеновича Немчинова, жившего на Большой улице. Начиная трактирным мальчиком и, переехав в молодые годы к родственникам в знаменитую слободу Кяхту, что на границе с Монголией, стал служить у кяхтинских купцов Колосова и Наквасина. Прошел все стадии становления предпринимательства: ходил в обозах, доставлял купеческие товары на Ирбитскую ярмарку и обратно в Забайкалье, служил старшим в обозе (“когтем”), завел собственное дело и очень быстро стал одним из чайных монополистов.

Позже у него появились прекрасные дома в Кяхте и Иркутске, своя резиденция на Лепских приисках, пароходы, и, конечно же, все это при огромных по-сибирски капиталах. О них также сложено немало легенд. Сумма, называемая А.Ф.Палашенковым, мне представляется маловероятной: 48 миллионов... Таким капиталом могла располагать вся многочисленная семья Якова Андреевича: 11 дочерей и единственный наследник – Андрей Яковлевич. Каждая из дочерей, выходя замуж, получала солидное приданое.

Материал, которым я располагаю, позволяет судить о масштабах деятельности Немчинова-золотопромышленника. Известно, что именно Якова Андреевича иркутские предприниматели пригласили в компаньоны, начиная золотоискательские работы на реках Витиме и Лене. В 1864 году И.И.Базанов, М.А.Сибиряков, И.Н.Трапезников и Я.А.Немчинов основали “Прибрежно-Витимскую компанию”. К 1865 году они уже владели 30 приисками. В 1883 году они же образовали товарищество под названием “Компания промышленности в разных местах Восточной Сибири”.

После произошедшего в 1885 году объединения “Компании промышленности” и “Прибрежно-Витимской компании” на приисках, принадлежавших Немчинову и его компаньонам, ежегодно добывалось 275 пудов золота. Все остальные компании не дотягивали и до ста.

К 70-м годам Я.А.Немчинов все свободные капиталы направлял на его расширение. Подраставшие дочери Вера, Екатерина, Александра, Анна-1, Анна-2, Надежда, Елизавета одна за другой стали выходить замуж. Они получали в приданое до одного миллиона. Эти деньги тут же вкладывались в созданную “Бодайбинскую компанию”. Я. А.Немчинов создал ее вместе с зятьями М.О.Осокиным, М.И.Корзухиным, А.И.Котельниковым. На имя Александры Григорьевны, супруги своей, он оформил Александринский, Бодайбинский, также Мартовский, Леонидовский прииски. Почти все дочери одарили Якова Андреевича внуками, некоторые из них унаследовали прииски своих родителей.

Сухие данные статистики высвечивают достаточно интересные для нас факты. Одним из компаньонов Я.А.Немчинова, например, был Дмитрий Чернядев, объявлявший себя тарским купцом. Открытый им в 1890 году прииск Увальный в Витимской системе, недалеко от Бодайбо, только в 1893 году принес ему 36 пудов, 30 фунтов, 10 золотников золота. Его родственник иркутский купец В.Чернядев задолго до этого, в январе 1866 года, зарегистрировал на свое имя Пророко-Ильинский прииск на реке Ныгри. Чернядевы стали потомственными почетными гражданами и позже, покинув Иркутск, проживали в Томске, где Я.А.Немчинов тоже поддерживал тесные связи с купечеством. Пытаясь отследить эти связи, я просил своих коллег в Томске Владимира Петровича Бойко и Олега Николаевича Разумова отобрать материал по Чернядевым, Пятковым, Озорниным, Филимоновым. Хорошо известно о том, что Озорнину в Томск в конце 80-х-начале 90-х годов Немчиновы регулярно отправляли чайные обозы из Кяхты. Труднее найти хоть какие-то контакты Немчиновых с детьми и внуками одного из богатейших предпринимателей Забайкалья Н.Л.Молчанова, на восемь лет пережившего своего первого хозяина. С ранних лет мечтал он стать миллионером. Все перенес: сколько

сапог перечистил, сколько вынес оплеух и зуботычин. Все перетерпел. Сделал его Яков Андреевич сначала младшим приказчиком, потом старшим, затем стал его доверенным лицом и, наконец, главным приказчиком. И пошли молчановские чайные караваны в Москву и Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку. Тут уж он стал хозяином. Но донесли на него приказчики. Устроил Яков Андреевич ему настоящее следствие, и "погорел" Лукнич. Прогнал его Немчинов. А у Молчанова уже имелись сотни тысяч...

Многие начинающие благодарили Немчинова за то, что тот без всякого мошенничества давал им кредиты, хоть и под очень большие проценты. В том числе и тарским купцам. В 1872 году в Таре появился городской общественный банк Я.А.Немчинова.

У нас немало говорили и писали о том, что сибирское серебро и золото, добытые тяжелым трудом подневольных и вольнонаемных рабочих, без счета тратились на постройку и убранство дворцов, устройство пышных праздников и т.д. Золотопромышленников изображали страшными самодурами и бездельниками. Наверное, явление это, как говорится, имело место, но вряд ли оно относится к Якову Андреевичу.

О тарском сиропитательном доме, Немчиновском доме, как утверждал А.Ф.Палашенков, знали в России. "Сиропитательный дом сделался главным украшением Тары... Каждый приезжий считал долгом посетить Немчиновское заведение". Как родилась эта идея, можно долго гадать, многие в России открывали подобные заведения. Внимательно рассматривая фотографию детского приюта братьев Королевых в Томске, отмечу, что здание это напоминает Немчиновский дом в Таре: те же три этажа, наружные стены вверху и внизу окошковых обрамлений украшены лепкой. В 70-80-е годы в Сибири открылся ряд таких заведений. Тарский сиропитательный дом и ремесленное училище при нем открылись 21 апреля 1875 года в день рождения супруги Якова Андреевича Александры Григорьевны. На этот счет (по поводу даты открытия) существует несколько мнений (А.Ф.Палашенковым назывался 1882 год).

Известно описание одного из приездов Нем-

чиновых в Тару. Каждый такой приезд был событием для провинциального города. О нем знали, к нему готовились. Во время приезда на открытие дома из Омска выписывали казачий оркестр Быкова. Из разных мест уезда в Тару тянулись пищие. Встречавшие получали по плитке кирпичного чая, по куску ситца, одаривались деньгами.

Здание под сиротский дом и общественный банк строилось в рекордно короткие сроки. В Таре едва ли набиралось в то время с десятков каменных домов. Поэтому вся тарская знать почла за честь присутствовать на его открытии. Пятковы, Щербаковы, Айтыкины, всего около полутора десятка человек, уселись в час дня за столы, накрытые в комнатах третьего этажа. "Хозяин и его семья почти не сажались, угощали гостей. Радушию не было конца... Оркестр не смолкал. Торжество закончилось в три часа ночи", — так описывал современник не рядовое для уездного города событие.

Первоначально в доме на Немчиновской, такое название бывшая Нерпинская-Мостовая получила после возведения этого каменного здания, поселились дети узников тарской тюрьмы, а позже сюда привозили и приводили сирот со всего уезда. Девочки с воспитательницами жили на третьем этаже, тут же были мастерские. На втором этаже, где жили мальчики и воспитатель, разместился общественный банк. А внизу столярная, сапожная, подсобные помещения. Во дворе построили кухню, баню, квартиры для обслуживающего персонала, в частности для эконома и руководительницы ковровой мастерской для девочек. Работу в сиротском доме считали престижной, тут трудились дочери протоиерея Сафонова, купцов и чиновников. По рассказам бывшей воспитательницы Лидии Ивановны Сосуновой, тарских учителей Надежды Александровны Абрамовой, Михаила Васильевича Грандилевского, Валентины Федоровны Епарьевой, усть-тарского священника Федора Георгиевича Ревагина, воспитанников, бывших работников, тарских старожилов, заведение давало хорошее воспитание и готовило детей к трудовой жизни. Получив небольшую материальную помощь, девочки в 16 лет и юноши в 18 лет начинали жить самостоятельно. Судьба воспитанников

сиропитательного дома – это отдельная тема для разговора, а вот о работе его мастерских можно привести интересные данные. Продукцией мастерских активно пользовались как белые, так и красные. Обращаясь в конфликтную комиссию, созданную в 1919 году при хозяйственном отделе 51-й дивизии В.К.Блюхера, части которой освобождали Тару от колчаковцев, заведующий столярной мастерской Павел Петров сообщал, что белые не рассчитывались за взятые в мастерских овчины, лосиновые рукавицы, сапоги и лыжи. Заведующий сапожной мастерской Тоглев принял 19 ноября 1919 года заказ на пошив 1000 пар сапог. Снабженцы получали в мастерских Немчиновского дома сапоги, лыжи для красноармейцев и под пулеметы, а также выделанные овчины и кожу.

Вместе с сиропитательным домом Я.А.Немчинов открывал и дом призрения для бедных. Где-то в это же время у тарских купцов созрела идея создания общественной библиотеки. Официально библиотеку открыли 10 февраля 1883 года. Ее учредителями стали купцы Федор Иванович Щербаков, Андрей Федорович и Михаил Федорович Пятковы, Николай Николаевич Поварнин, Николай Кириллович Машинский и другие. За три года “от разных лиц” на библиотеку поступило 174 рубля 47 копеек, из них 100 дал Немчинов. Не много. Но 1500 целковых Сибирикова, а потом внесенные по его примеру деньги А.И.Щербакова, М.Ф.Пяткова и других, да подаренные более 200 томов Трапезниковым уже позволили создать фонд из 1518 книг.

Надо сказать, что благотворительность Я.А.Немчинова – это лишь малая часть его общественной деятельности.

А если взять его “золотые дела”? Ученые, которые с классовых позиций изучали период “золотой горячки”, скрупулезно выискивали данные о “неповиновении золотопромышленникам”, о стачках, невыходах на работу, конфликтах. Безусловно, все это было: крестьяне, временным отходничеством стремившиеся поправить пошатнувшееся хозяйство, мечтавшие о быстром обогащении, и самый разный пестрый люд, в неурожайные годы, сталкиваясь с бытовыми трудностями и тяжелейшими усло-

виями труда, ожесточались. Возмущения случались и на немчиновских приисках. В июле 1876 года рабочие там возмущались грубым обращением с ними, плохим качеством продуктов и высокими ценами на товары в лавке. В июне 1883 года на одном из немчиновских приисков в Витимской системе требовали трех обещанных выходных в месяц. В марте 1888 года на прииске в Олекминской системе резко воспротивились нарушению контракта по производственным причинам. Так, в Забайкалье много рабочих сбежало с Иннокентьевского прииска, принадлежавшего Немчинову.

Многие стремились попасть на прииски Восточной Сибири. Бедняков гнала нужда, зажиточные “шли за фартом”. Чиновник особых поручений майор Калагеорги, ревизовавший по личному поручению генерал-губернатора Анучина прииски Ленского округа, приводил в своем докладе интересные данные о местах выхода рабочих “Прибрежно-Витимской Компании” и “Компании Промышленности”. Преобладали выходцы из Иркутской, Томской, Енисейской и Тобольской губерний.

Были на Ленских приисках и жители Тарского уезда и самой Тары. Мой дед по матери Строкин Афанасий Иосифович, как и его младший брат Александр Иосифович, родился на прииске, где работал их отец Иосиф Наумович. Его, как и многих других, вербовщики соблазнили рассказами о больших заработках.

В 90-х годах через Ленские прииски прошел житель села Уленкуль Хабибулла Хабибуллин, а позднее там побывали и его сыновья Хаким и Хасиб.

Многие купцы и мелкие предприниматели Тары прошли через золотые прииски. Купцы Шапские провели там один сезон, два сезона работали сыновья торговца шерстью Канаревского, будущий купец Деев, кирпичник Полушин. В конце XIX века в Таре ежегодно получали от 500 до 800 паспортов. Преимущественно уходили на золотые прииски. Побывавшие на Лене, Витиме, Олекме знали о Немчинове, его богатстве, его добрых делах.

За свои пожертвования Немчинов получал разные награды, звания. Ему присвоили звание почетного гражданина, коммерции советника.

За строительство на собственные средства в 1862 году церкви Преображения в с. Преображенском Троицкосавского уезда Селенгинского округа, церкви в г. Тунгуй, кладбищенской Успенской церкви в Кяхте-Троицкосавске в 1884–1888 гг. он награжден орденом Святого Станислава 2-й степени; в 1880 году ему вручили орден Святого Владимира. В мае 1870 года он выделил более 6 тыс. рублей на разбивку городского сада в Иркутске, вместе со своими компаньонами по золотопромышленности дал 85 тыс. рублей на строительство театра, а в Таре реставрировал три церкви.

Еще при жизни удалось Якову Андреевичу пустить свои пароходы по Селенге и Байкалу.

Один из островов на реке Чикой получил имя Немчиновского. Конечно, Якову Андреевичу не чуждо было честолюбие. В то же время, например, выделяя в честь проезда наследника цесаревича 5 тысяч рублей, стипендию в гимназии он назвал именем Николая Александровича. Честолюбие двигало и движет множеством людей в самых разных сферах деятельности. Люди хотят оставить след на земле. Что ж в этом плохого?

С моей точки зрения, для общества все-таки важнее сама благотворительность, а не ее мотивации. Разве не на благо общества действовал “Андрюшенька” – единственный наследник “архимиллионера” Я.А. Немчинова, жертвуя на храмы, помогая Иркутскому институту благородных девиц, устраивая больницу для душевнобольных в этом городе? Правда, не всегда Немчиновы принимали участие в массовых пожертвованиях, “по подписке”, как тогда говорили, поступали и здесь по-деловому, расчетливо и экономно.

Неплохо бы знать нашим современникам о деловых и человеческих качествах купца Немчинова.

В уютном зале картинной галереи рассказывал я как-то тарским предпринимателям о последних днях большой и насыщенной событиями жизни Якова Андреевича. Последние годы он был разбит параличом. Жил в Кяхте, которая в 90-е годы уже утратила былое величие. Богатая когда-то торговая слобода отцвела почти “в погу” со стариком, больным и прикованным к постели.

“Бывший миллионщик” не мог смириться со своим пассивным положением и даже в полуденную жару, когда все живое пряталось от палящего солнца, требовал возить его по тенистым аллеям сада на берегу речки Кираи. Соседи, прислушиваясь к визгу инвалидной колясочки, перекрестившись, говорили друг другу, что, мол, возят давно отжившего свой век человека.

Каждый день он сам читал большую деловую почту и сам диктовал ответы.

Катаясь по песочным дорожкам сада, он требовал к себе Андрея Яковлевича, просил его сообщить свежие новости. “Что пишет Озориин из Томска?” – спрашивал он еле слышным старческим голосом. А узнав, что отправленные обозы с чаем дали существенную прибыль, оживал, становился бодрее.

Поучительна биография нашего земляка. Это был труженик, неустанный в наживе. Получая полумиллионную ренту, он даже в воскресные дни со страстью отдавался своему делу. Рано утром старец приказывал выносить себя из комнат и останавливал первого попавшегося ему на глаза мужика, везшего зерно или муку на рынок, и до потери сил вел с ним торг. Говорил, что никто ему на базаре больше не даст, уверял, божился, стыдил, кивал на соборный крест. И если мужик оказывался податливым, уступал, продав зерно дешевле базарной цены, старик, после того, как его еле дышащего уносили в кабинет, отходил и менялся на глазах: чувствовал себя на вершине блаженства, становился добр и ласков и, разговарившись, любил наивно прихвастнуть своим умом, смекалкой и споровкой.

Дочь приказчика Торгового Дома К.В. Балыкова в Таре В.С. Глебова писала мне, что родители, прошедшие хорошую коммерческую школу, часто поминали Немчинова. Антонина Трофимовна Бизяева уверяла меня в том, что большие дела известных тарских и тюменских пароходоладельцев Василия Тимофеевича Разумовского, и его сына Николая начались с того, что им подарил пароход Немчинов.

О многом могли бы рассказать стены Немчиновского дома. Помнят они, наверное, и о том, как в двадцатые годы их спас от разборки тарский стройтехник Иван Петрович Русинов. Дело

было обычное. Пришли к власти не очень грамотные люди, в сложнейших условиях всеобщей разрухи их действия больше походили на суету пожарной команды. Всего не хватало, в том числе и строительных материалов, а тут под боком рассыпающийся Успенский собор на Базарной площади, да еще под горой Немчиновский дом. Церковь все-таки разобрали, потом разрушили еще четыре из оставшихся пяти, а вот с Немчиновским домом не получилось. Комиссии осматривали здание со всех сторон, подсчитывали, сколько будут стоить разборка и очистка кирпича, и пришли к выводу, что проще и легче изготовить новый. А тут еще и Русинов. Конечно, политически не очень грамотный человек, вначале с ним не очень-то считались: был уездным комиссаром Временного правительства в период двоевластия, имел приличный дом на улице Зеленой (до сих пор в нем магазин "Строительные товары"), держал лавку. Но мнения его, как мастера-строителя, никто не отвергал. Осмотрев трещины, которые, как его пытались уверить,

принимают "угрожающие размеры", Иван Петрович обследовал фундаменты и сказал, как передают свидетели этого случая: "Да я эти трещины заклею папиросной бумагой, и дом еще сто лет простоит". С тех пор здание 70 лет прослужило городу.

Большинство из нас лишь в общих чертах знают историю Тары. В последнее время, и мне это больше правится, в публикациях о Таре все чаще появляются люди: купцы, мастера-вые и т.д.

Тара может гордиться купцами Бекишевыми, Можантиновыми, Филимоновыми, Нерпиными, Пятковыми, Носковыми, Машинскими, гончарами Плотниковыми и Дорохиными, веревочниками Ваулиными, кирпичниками Полуниными, кузнецами Бизяевыми и Хряцевыми, ювелирами Ревягиными и иконописцами Калининскими, талантливыми хлебопеками, прялишниками, писателями, артистами, военными...

В один ряд с ними мы наконец-то можем поставить кушцов Немчиновых.

А. Жиров

СИБИРЕВЕДЕНИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

История колонизации Российских земель за Уральским хребтом в XVIII–первой половине XIX вв. неразрывно связана с историей их научного освоения.

Парадоксально, что одним из наименее исследованных районов Сибири оставалась ее западная часть – наиболее близкая к Европейской России и служившая несколько веков плацдармом для освоения государством и вольными переселенцами восточных и южных земель. Несмотря на экспедиции известных путешественников: Д.Мессершмидта (1716–1723) и П.Палласа (1770 г.), И.Фалька и И.Георги (1776 г.), Г.Сиверса (1793 г.) и К.Ледебура (1826 г.), М.Кастрена (1841, 1845 г.), А.Гумбольдта (1829 г.) и А.Миддендорфа (1843–1844, 1868), усилия военных топографов, данный регион и к 70-м годам XIX столетия не имел удовлетворительной карты, обнимавшей всю территорию Западно-Сибирской низменности, сведения о многих его районах были отрывочны и противоречивы. Опыт организации научных исследований в России показывал, что только объединение любителей краеведов могло хотя бы частично компенсировать все возрастающие потребности в новом знании о местности.

Особенно активной деятельностью в привлечении к изучению родного края широких социальных слоев населения отличалось крупнейшее и авторитетнейшее научное общество дореволюционной России – Императорское Русское Географическое общество. Созданное в 1845 г. виднейшими учеными России, оно не только проводило собственно научные исследования, но и создавало свои филиалы в наименее изученных районах Российской империи.

31 июля 1877 года в Омске открыт Западно-Сибирский отдел ИРГО. Географический отдел несмотря на статус "общественной организации" был так же, как и его предшественник, фактически создан "сверху", усилиями выдающегося Западно-Сибирского генерал-губерна-